

Тридцать миллионов за ребёнка — что это, если не торговля людьми?

Чжао Цзяминь крепко прижимала к себе дочь. Её трясло от ярости. Тридцать миллионов... Так вот в чём было дело!

Увидев, как толстяк с сальной, мерзкой улыбкой шаг за шагом приближается к ней, Чжао Цзяминь резко схватила с тумбочки настольную лампу и изо всех сил швырнула в него.

Жаль только, что тот слегка повернул голову и увернулся.

— Бесполезно. — Он улыбался особенно самодовольно. — Даже если ты сейчас заберёшь её обратно, что с того? Чжоу Вэй всё равно снова приведёт её ко мне. Я бы на твоём месте хорошенько подумал. Ты ведь и сама всё ещё у него в руках.

От этих слов лицо Чжао Цзяминь в одно мгновение стало мертвенно-бледным.

Верно. Она даже себя защитить не могла. Как же ей защитить дочь?

Она посмотрела на спокойно спящее лицо девочки, и в душе у неё вдруг стало необычайно холодно и ясно. Решимость убить понемногу проступала в её глазах.

Если она хочет, чтобы дочь жила спокойно и безопасно, похоже, у неё остался только один путь — убить.

Её рука уже нащупала телефонный провод. Стоит ему только опустить голову...

— Уф!

Тело толстяка вдруг застыло, а затем тяжело рухнуло на пол, открывая Цзян Чэнъи, которого он до этого полностью заслонял.

Чжао Цзяминь ещё не успела прийти в себя, как молодой человек холодно посмотрел на неё сверху вниз. Его слова ударили прямо в самое больное:

— Вы только что хотели убить человека?

Руку Чжао Цзяминь, державшую телефонный провод, будто обожгло. Она быстро отдернула её и крепко вцепилась в одеяло, которым была укрыта дочь.

Она отвернулась, избегая взгляда молодого человека. От его глаз ей казалось, будто он видит её насквозь: её слабость, беспомощность, боль — всё оказалось выставлено перед чужим

человеком.

Это чувство ей очень не нравилось.

— Если вы убьёте человека, у вашей дочери совсем ничего не останется. Вы ещё помните своё желание? В душе вы всё время кричали, что хотите забрать её и уйти от Чжоу Вэя. А если вы сядете, она останется с ним.

Едва Цзян Чэнъи договорил, Чжао Цзяминь резко возразила:

— Невозможно! Я убью его! Я убью Чжоу Вэя! Я обязательно его убью!

Она была слишком возбуждена. Увидев это, Цзян Чэнъи присел рядом и положил ладонь ей на макушку.

— Успокойтесь.

Его голос будто окатил её ледяной водой. Ненависть Чжао Цзяминь в одно мгновение словно заморозило.

Увидев, что она успокоилась, Цзян Чэнъи сел рядом и начал медленно, пункт за пунктом разбирать с ней ситуацию:

— Предположим. Вы действительно убили этого человека и своего мужа, Чжоу Вэя. Тогда вашу дочь либо временно передадут под опеку местного комитета, либо отправят в приют.

— У вас больше нет родных, зато у Чжоу Вэя есть. Более того, Чжоу Вэй знает и других людей. Как думаете, что будет, если ваша дочь останется снаружи одна?

Что будет?

Чжао Цзяминь вздрогнула. Кажется, она представила себе какие-то очень страшные картины.

— Вот видите, вы и сами понимаете: они обязательно начнут мстить, верно? И это ещё при условии, что вы успешно убьёте людей. А если... не успешно?

Цзян Чэнъи, всё ещё удерживая её за голову, медленно повернул её лицом к себе. В его светло-золотых зрачках отражалось худое тело женщины.

— Даже если не говорить о естественной разнице в силе между мужчиной и женщиной: когда он избивает вас дома, вы почти не можете сопротивляться даже тогда. Так как вы собираетесь

его убить?

Чжао Цзяминь невольно задумалась, следуя его словам. И чем больше думала, тем глубже проваливалась в отчаяние.

— Тогда что мне делать? У меня больше нет выхода! Пока он рядом, не только я — Сяо Жуй тоже всю жизнь будет под его контролем!

Если бы под контролем была только она сама, Чжао Цзяминь ещё могла бы терпеть. Но дочь, Сяо Жуй, — нет. Она слишком хорошо знала, насколько грязен и мерзок Чжоу Вэй. Пока он рядом, у Сяо Жуй не будет хорошей жизни!

И тут Цзян Чэнъи вдруг приблизился к ней и пристально посмотрел ей в глаза:

— Что именно у него на вас есть?

Иначе, с её известностью, ей стоило лишь заявить в полицию о домашнем насилии — и этот брак наверняка удалось бы закончить.

Чжао Цзяминь замолчала.

Прошло довольно долго. Потом она вдруг коротко рассмеялась, а затем расхохоталась во весь голос. Смех был таким сильным, что раны на её лице снова раскрылись, и кровь смешалась со слезами.

Цзян Чэнъи не стал её утешать. Он просто молча смотрел, пока она не выплеснула всё, что накопилось.

Ещё спустя некоторое время она наконец выплакалась. Казалось, все силы в её теле иссякли. Обнимая дочь, она прислонилась к краю кровати и рассказала о глупости, которую когда-то совершила.

— Он сказал, что хочет запечатлеть меня в самый красивый момент.

И она поверила. И действительно позволила ему это сделать.

— Он сказал, что будет смотреть сам и никому не покажет.

Она тоже поверила. Но потом обнаружила, что смотрел не только Чжоу Вэй.

— Он сказал: если я не буду слушаться, эти фотографии окажутся на всех интернет-

платформах.

Когда Чжао Цзяминь говорила это, лицо у неё было очень спокойным.

Если бы жертвой была только она одна, она ещё могла бы пойти ва-банк и сжечь всё дотла.

В крайнем случае — больше не быть актрисой. Уехать в тихую деревню и доживать там.

— Если бы речь шла только обо мне, я бы не боялась. Ну умерла бы — и всё.

Глаза Чжао Цзяминь были очень яркими. Она и правда не боялась смерти.

Но у неё появилось слабое место — её драгоценная дочь, Сяо Жуй.

Полное имя Сяо Жуй было Чжоу Жуй, но Чжао Цзяминь не хотела слышать это «Чжоу», потому что это был «Чжоу» Чжоу Вэя.

— Я думала, его жестокость, мерзость, бессердечие направлены только на меня. Сяо Жуй — его дочь. Он её отец. Между ними всё-таки кровь. Хоть немного отцовских чувств у него должно было быть.

Но она недооценила бессовестность Чжоу Вэя. Это она всё ещё питала глупую надежду, что он человек.

— Он скотина!

Взгляд Чжао Цзяминь снова стал взглядом тигрицы — той самой, что обнажает клыки, увидев, что её детёнышу причинили вред.

— Когда Сяо Жуй было семь, он сделал несколько фотографий. Вот этим он и держит меня.

Она могла отказаться от собственной репутации. Но дочь — нет. Дочь была ещё такой маленькой!

Неужели и её дочери придётся вместе с ней всю жизнь прятаться в безлюдных местах? А если, когда она вырастет, кто-нибудь узнает её и снова вытащит эти фотографии наружу?

Чжао Цзяминь не хотела рисковать даже такой возможностью.

— Когда-то у нас тоже были очень тёплые дни.

В те времена они действительно были счастливы.

Поэтому, когда он показал свою настоящую натуру, первой реакцией Чжао Цзяминь было неверие. Она даже подозревала, не заболел ли он чем-нибудь.

— Какая же я была дура...

Она подняла руку и закрыла лицо.

После того как она выплакалась, слёз больше не осталось.

Цзян Чэнъи посмотрел на маленькую девочку в её руках. Ребёнку, наверное, ещё не было десяти. Щёки розовые и милые, черты лица очень похожи на Чжао Цзяминь с фотографии в «Байду Байкэ», только ещё изящнее. Когда вырастет, точно станет красавицей.

Потом он снова посмотрел на толстяка, который всё ещё лежал без сознания. Только взглянул — и тут же отвёл глаза, боясь испортить себе зрение этим зрелищем.

— Я не знаю, кто ты, и не знаю, что значит твоя «заявка». Но если ты можешь мне помочь...

Чжао Цзяминь с глухим стуком опустилась перед Цзян Чэнъи на колени. Взгляд у неё был твёрдый.

— Если ты сможешь дать Сяо Жуй спокойно и безопасно вырасти, я не пожалею даже своей жизни.

По дороге она уже видела его чудесные способности. Наверное... наверное, у него действительно есть способ решить её беду.

А цена? Неважно!

Кроме дочери, она могла отдать что угодно.

Цзян Чэнъи в душе тихо вздохнул. Вот как... клиенты, чьи заявки доходят до супермаркета, по сути, почти все готовы отдать собственную жизнь.

Ему было трудно представить, что случилось бы, не найди он их вовремя. Что пришлось бы пережить ребёнку по имени Сяо Жуй? Когда Чжао Цзяминь очнулась бы, сошла бы она окончательно с ума? Стала бы убийцей?

Глаза Цзян Чэнъи полностью стали золотыми. В его взгляде вокруг Чжао Цзяминь лежал

тонкий слой золотого света. Это были скрытые заслуги, оставленные её предками, и кое-какие добрые дела, которые она сама совершила прежде.

Жаль только, что эти заслуги не помогли ей ещё до свадьбы разглядеть истинное лицо человека рядом.

Впрочем, хорошая новость всё же была. Заслуг у Чжао Цзяминь было не так уж много, но и то, что ей требовалось, стоило не слишком дорого.

По крайней мере, не как у Ло Цюмина и Чжан Мяомяо, которым понадобились целых пятьдесят тысяч очков заслуг.

— Так чего именно вы хотите?

Чтобы исчезло всё, чем он шантажирует вас и вашу дочь? Или чтобы вы полностью ушли от Чжоу Вэй и он больше вас не тревожил?

Или, может, сделать так, чтобы Чжоу Вэй начисто забыл обо всём этом?

Цзян Чэнъи слегка прищурился. В голове у него мелькали разные товары супермаркета: некоторые очень подходили Чжао Цзяминь и её дочери, и эффект у них был бы отличный. Только требовали они немало очков заслуг — сейчас Чжао Цзяминь не смогла бы себе такое позволить.

Чжао Цзяминь не знала, о чём думает Цзян Чэнъи. Перед его вопросом она снова погрузилась в молчание.

С тех пор как они пришли в отель, прошло уже больше получаса. И как раз в тот момент, когда Чжао Цзяминь думала, как поступить, телефон на кровати вдруг завибрировал.

Чжао Цзяминь вздрогнула от этого звука и инстинктивно крепче прижала к себе дочь.

А Цзян Чэнъи наклонился, посмотрел на экран и даже развеселился:

— Звонит Чжоу Вэй.

Услышав имя Чжоу Вэй, Чжао Цзяминь мгновенно показала тень свирепости, но очень быстро подавила её.

Телефон вибрировал целую минуту, потом затих.

И только после этого звонка Цзян Чэнъи вспомнил, что раньше снял один фрагмент видео. Он протянул телефон Чжао Цзяминь:

— Эта запись, возможно, вам пригодится.

«Твой муж продал мне твою дочь...»

«Тридцать миллионов...»

Это была сцена их противостояния с толстяком после того, как она ворвалась в номер. На видео отчётливо было записано, что Чжоу Вэй продал дочь.

— Одного этого... недостаточно.

Как доказательство — даже думать нечего. Она прекрасно знала: те тридцать миллионов не переводили напрямую, они прошли через один проект Чжоу Вэй.

К тому же одной фразой человека не осудишь.

Мозг Чжао Цзяминь работал быстро. Она переложила дочь на руки Цзян Чэнъи, а затем раздела донага толстяка, лежавшего на полу без сознания.

Цзян Чэнъи не знал, что она собирается делать, но зрелище было слишком вредным для глаз. Он просто взял девочку на руки и ушёл с ней в ванную.

Очень скоро он услышал щелчки вспышки. Смутно он уже догадался, что задумала Чжао Цзяминь.

Раз непристойными фотографиями можно угрожать ей, значит, ими можно угрожать и другим — особенно людям, которым важны лицо и репутация.

Она поискала информацию о толстяке. Узнав, где он работает и кто он такой, медленно выдохнула мутный, тяжёлый воздух.

Руки Чжао Цзяминь слегка дрожали. Она не могла гарантировать, что то, что она собирается сделать дальше, удастся.

Слова Цзян Чэнъи словно ударили в колокол и заставили её очнуться: чего именно она хочет?

Она хотела уничтожить все фотографии, связанные с дочерью. И ещё хотела, чтобы Чжоу Вэй держался от дочери как можно дальше — лучше так далеко, чтобы всю жизнь её не видел.

Для второго ей нужна была помощь.

Но первое... первое она могла попробовать прямо сейчас.

<http://bllate.org/book/17657/1718406>